

Б. Носик

**ПУТЕШЕСТВИЕ
ЗА ДЫМКОВСКОЙ
ИГРУШКОЙ**

*Почитай,
творчица!*

Б. НОСИК

**ПУТЕШЕСТВИЕ
ЗА ДЫМКОВСКОЙ
ИГРУШКОЙ**

**Издательство «Знание»
Москва 1966**

Содержание

	Стр.
Тайна «модернового коняшки»	3
Путешествие началось. Альбомы, расписанные от руки. Следы теряются	7
Киров. Субботний вечер	16
В Заречной слободе	22
Дочка Афанасьевны	36
У вдовы Деньшина	46
Дом художника. Светкины кони	58
Споры о вкусах	70
Снова Заречная слобода	75

Борис Михайлович Носик

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА ДЫМКОВСКОЙ ИГРУШКОЙ

Редактор А. Балашова
Худож. редактор Е. Соколов
Техн. редактор Л. Дороднова
Корректор Е. Ольховская
Художник О. Демидова

Сдано в набор 14/VII 1965 г. Подписано к печати 16/II 1966 г.
Изд. № 187. Формат бум. 60×90^{1/32}. Бум. л. 1,25. Печ. л. 2,5.
Уч.-изд. л. 2,47. А01441. Цена 7 коп. Тираж 30 000 экз. Заказ 1013.
Опубликовано тем. план 1966 г. № 67.
Издательство «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Моск. тип. № 24 Главполиграфпрома
Москва, Г-19, ул. Маркса — Энгельса, 14.

ТАЙНА «МОДЕРНОВОГО КОНЯШКИ»

Этой весной мы сидели как-то у моего приятеля-археолога в небольшом, уютном кабинете на Ленинском проспекте, не спеша попивали кофе и беседовали тоже не спеша о том, о сем. Квартиру эту приятель получил совсем недавно, и все мы, и он сам, в том числе, еще не успели привыкнуть к тому, что здесь все так удобно и просторно, и красиво, и просто: низкие кресла, располагающие к беседе, приятные серые и вишневые стены, большие, во всю стену стеллажи, где длинные ряды всяческой книжной премудрости вдруг оживляются каким-нибудь сувениром — дареным или привезенным из дальних странствий. И вот, во время беседы один из нас, молодой инженер, встал и подошел к полке, туда, где в уголке пестрели яркие расписные глиняные игрушки. Там был забавный козенок в штанишках, задорно выпятивший бороду, и какая-то нянька с ребенком на руках и олешек с золотыми рожками, и коник, стройный, энергично откинувший голову, весь в маленьких цветных точечках. Все мы, кроме мо-

лодого инженера, уже видели здесь эти игрушки; его же, видевшего их, по всей вероятности, в первый раз, привели в восторг смелые выразительные контуры лепки и яркая радостная раскраска, так гармонировавшая с обстановкой кабинета.

— Здорово! — сказал он восхищенно. — Модерновый коняшка! Чешские?

Все засмеялись, впрочем довольно добродушно. Смеялись потому, что знали — игрушка эта дымковская, а стало быть, русская.

— Эти игрушки, батенька, — сказал хозяин профессорским тоном, — уже лет триста делают в слободе под русскою Вяткой. И их связывают с древними легендами о лихих новгородцах-ушкуйниках, о роковом «хлыновском побоище», и, конечно, с традиционной вятской ярмаркой «Свистуньей». Ну а вообще-то, если хотите знать, все это уходит корнями гораздо глубже — в античность, в языческую старину, в наши раскопки — в скифо-сарматские курганы.

Тут уж мы все засмеялись, а громче всех молодой инженер; потому что нам хорошо была знакома самая большая страсть нашего друга — эти вот скифские курганы, которые он ежегодно копал с весны до осени и, надо сказать, весьма успешно. Но смеялись мы, как выяснилось, невпопад, потому что хозяин нам спокойно и убедительно все потом раздоказал. Он

ходил вдоль длинных своих книжных полок, снимал оттуда книги, альбомы, доставал какие-то фотографии, и мы поверили в конце концов, что глиняный этот коник напоминает античные свистульки из Причерноморских раскопок и что у скифо-сарматской богини был начальник в виде полумесяца, точь-в-точь, как кокошник у куклы, а юбка была такая же — колоколом, хотя кринолинов еще не носили, а у дымковской барыни-щеголихи был кринолин. Мы узнали от нашего друга, что вообще эта кормилица с младенцем, так же, как и барыня с петушком, — видоизменение привычного образа богини с младенцем-урожаем и что древний тотем — коня — связывали с небом. Вот он какой — этот «модерновый» коняшка!

Мы слушали нашего друга, и перед нами вставали дикие степи Причерноморья и скорбные сорища скифов, сжигающих трупы убитых соплеменников, древние города и корабли предприимчивых греков. А потом — северная русская глушь, непроходимые леса и забитый безобидный народ, населяющий эти леса, и вторжение лихой новгородской вольницы — и сечи, и стоны по убиенным. А потом — низенькая крестьянская изба, где нищая, обремененная семьей вятская крестьянка, склонясь над своим лепным коником, дает выход фантазии в ярких невиданных узорах. А рядом — дочери ее, обя-

зательно красивые и обязательно несчастные девки наряжают гордую барыню, макая кисточку в разведенные на яйце, как в древней русской иконописи, краски. И во всем этом — горе и радость, безудержный разгул русской талантливой души. А за ними — века, и чудища-идолища, и свист, и крики, и «въопли», и бог Ярило...

Не знаю, как остальным, а мне в тот вечер было немножко стыдно, что я раньше ничего не знал об этом исконно русском промысле. И я исполнился благим намерением обязательно восполнить этот пробел в своем образовании и что-нибудь «подчитать». Однако я, может, и до сих пор бы собирался это сделать, потому что намерениями этими вымощена дорога в ад и потому что пробелов много, а я один, если б не узнал вдруг, что мне предстоит вскоре ехать в командировку в Киров, бывшую Вятку. Вот тут уж я и не стал больше мешкать, а сразу же отправился в «Ленинку», то есть, библиотеку имени Ленина, где каждый москвич может залатать прорехи в своем образовании.

**ПУТЕШЕСТВИЕ
НАЧАЛОСЬ.
АЛЬБОМЫ,
РАСПИСАННЫЕ
ОТ РУКИ.
СЛЕДЫ ТЕРЯЮТСЯ**

Итак, путешествие мое за дымковской игрушкой началось совсем недалеко от дома, в центре Москвы, и шло оно сначала главным образом не в пространстве, а во времени — в глубь веков.

В ящичках каталога, похожих на ячейки гигантского пчелиного улья, куда пчелы-библиотекары несут свою лепту, я нашел немало названий книг, связанных с глиняной русской игрушкой. Чаще всего здесь мелькала фамилия Деншина, и, заметив среди выходных данных слова — «Вятка». Издание автора», я понял, что еще сорок пять лет назад у дымковской игрушки был свой поклонник-энтузиаст. Я выписал также работы искусствоведа Льва Адольфовича Динцеса, книжку историка Снегирева и записки писателя Всеволода Лебедева, решив за сутки стать ученой моего приятеля-археолога.

Книжное путешествие было интересным. Не

беда, что противоречили друг другу художник, искусствовед и историк, рассказывая о знаменитом «хлыновском побоище», не беда, что так и не узнал я толком, чей же был предводитель боярин Анфал. Так даже интереснее. Летописные легенды и догадки искусствоведов были окутаны тайнами русской древности, и еще больше захотелось мне познакомиться по-настоящему с этой удивительной русской игрушкой.

Конечно, самыми поэтичными были легенды в деньшинских альбомах, писанные вязью рукой самого художника. В них рассказывал Деньшин о том, как забрались в истоки Камы, в леса дремучие, лихие ушкуйники с Новгорода Великого. Волоком перетащили свои ушкуи в соседнюю речушку, тоже дикую и неизвестную. Поплыли вниз, и где теперь село Никулицкое (в 12 верстах от Вятки), на высокой горе, увидели жилища инородцев и главное — впереди на видных местах — болванов-идолов. Наименовали городок по-своему «Болвановском», взяли его сразу, разорили жителей и сшибли болванов. Срубили деревянный город, обосновались здесь и новое поселение назвали «Никулицким».

Как знать, не от тех ли болванов-идолов пошли глиняные фигурки?..

Есть у Деньшина и легенда о «хлыновском побоище». (Вятка почти до последней четверти прошлого века называлась Хлыновом).

Народы, что раньше населяли эти места, не примирились со своим поражением. Долго еще восставали они против новгородцев. И вот, когда в последний раз обложили новгородцы Хлынов, послали хлыновцы за помощью в Великий Устюг к своим дружкам и союзникам устюжанам. И ждали их прихода в условленном месте, у южных ворот. А устюжане подошли ночью, все перепутали и стали стучать в другие, северные ворота, там, где их не ждали. Хлыновцы их приняли за врагов, подали сигнал к битве — резким пронзительным свистом — и бросились на пришельцев. Тут и произошла трагедия, о которой говорит летопись, — «своя своих не познаша и побиша». А потом, когда увидели хлыновцы с устюжанами свою ошибку, вместе ударили они на врага и прогнали его. А по убиенным положили в четвертую субботу после пасхи, в день побоища, править общую панихиду. В честь этого и была построена в Раздерихинском овраге часовня.

После панихиды начиналась обычно веселая ярмарка, которая длилась три дня. Память о печальном событии постепенно выветрилась, а ярмарка осталась. Яркое солнце, река в полном разливе, большое стечение крестьян из окрестных деревень, торговля сладостями, игрушками, пряниками — все это и породило знаменитую ярмарку «Свистунью», или «Свистопляску».

Свистульки и расписные глиняные игрушки делали в заречной слободе Дымкове переселенные сюда устюжане. Целую зиму готовили они игрушки к ярмарке. И свист ярмарочный напоминал о побоище — о сигнале хлыновчан.

Так рассказывает в своих альбомах Деньшин. Правда, в последних изданиях он уточняет, что корнями уходит эта «Свистунья» в языческие праздники весны и бога солнца — Ярилы.

Приводит Деньшин и другую легенду, объясняющую бытовавшее на «Свистунье» развлечение — катание глиняных шаров.

Когда-то, говорит он, существовал у населявших эти места мирных инородцев вполне безобидный обычай — устраивать потешные бои, бросаться снежками. И вот как-то пришлые новгородцы, те же самые лихие ушкуйники, налепили шаров из глины, заморозили их, закатали в снег и сильно побили своих простодушных противников. Вот в память об этом на «Свистунье» и катали расписные глиняные шары. Богатые покупали эти шары ведрами и катали их вниз на дно Раздерихинского оврага.

В общем, Деньшин говорит, что впоследствии панихида полностью перешла в гульбище. Впрочем, некоторые современные историки считают, что гульбище это и было первоначальным и исконным. А что до панихиды, то она была введена в противовес языческому разгульному

веселью и языческому обряду («свистание, клич и вѡпли»). Историки эти приводят в пример аналогичные обряды, бытовавшие в других областях Руси, где игрушка была тесно связана с древними земледельческими праздниками (например, в Курской области). Что же до побоища, то они говорят, что в основе этой легенды лежит исторический факт поражения устюжан в 1418 году, когда они были побиты хлыновцами-вятчанами под предводительством боярина Анфала Никитина, и что поминки по погибшим справляли переселенцы-устюжане, жившие в заречной слободе.

У искусствоведа Льва Адольфовича Динцеса нашел я подтверждение тому, что рассказывал нам приятель-археолог. «Наши глиняные коники, — пишет Динцес в своей книге, посвященной русской глиняной игрушке, — напоминают простейшие античные свистульки Причерноморья, более чем двухтысячной давности». И дальше автор описывает предметы, найденные при раскопках в древних курганах: глиняных коников, и впрямь очень похожих на дымковских, статуэтки скифо-сарматской богини («глиняные фигурки... изображают женщину, богиню с младенцем на левой руке») и другие. И еще говорится, что эта скифо-сарматская богиня щеголяла в юбке колоколом и в чрезвычайно близком нашему кокошнику «начальнике» в форме

полумесяца с острыми или обрезанными краями. Более того, искусствовед считает, что безобидные эти размалеванные игрушки вятской слободы идут прямым путем от культовых изображений далеких наших предков — и кормилка, некогда богиня с младенцем, и коник, и козелки, и свистульки-курочки. «Древний тотем конь, — пишет он, — у славян, как и у других племен, связывается с небом... Общераспространенный в глиняной игрушке мир пернатых, связанный в представлении первобытного человека, подобно коню с «солнцем — небом», точно так же играет роль в воззрениях славян на природу».

Легенды, так поэтично рассказанные другими искусствоведами и историками, Динцес тоже весьма убедительно связывает с обрядами наших далеких предков; он считает, например, что катание шаров в Раздерихинском овраге — это «не напоминание о воинской ошибке предков, как полагает Снегирев, или о победе ушкуйников над инородцами, как сообщает Деньшин, а пережиток культового действия, посвященного солнцу, который впоследствии обратился в традиционную игру детей. Еще недавно повсеместно распространенный обычай катания окрашенных («красных») яиц на пасху — пережиток того же культового действия».

Разыскал я в библиотеке и другие варианты легенды о «хлыновском побоище», о событиях

далекого XV века. Все эти легенды имели прямое или косвенное отношение к интересовавшему меня предмету — к глиняной игрушке из слободы Дымково, куда еще при Иоанне III переселили непокорных устюжан.

Печатное упоминание о дымковчанах-ремесленниках, изготавливавших игрушки, появляется позднее — в «Адресе-календаре» за 1856 год. О «свистульках» упоминает и находившийся в вятской ссылке одновременно с Герценом архитектор Витберг.

А в начале нашего века промысел стал перед угрозой полного вымирания. Ссыльный поляк Адт научил дымковчан лить игрушки из гипса, и они один за другим стали бросать нищенский свой промысел, доставшийся им от матерей (потому что лепили и раскрашивали игрушку женщины). Одна за другой отходили от промысла семьи знаменитых дымковских игрушечниц — Пенкиных, Кошкиных, Микулиных. Наконец, осталась верна материнскому промыслу одна престарелая Анна Афанасьевна Мезрина.

Вот в это-то время и выпустил свою первую книжку-альбом о дымковской игрушке вятский художник Алексей Деньшин. И в издании 1917 года и в более поздних изданиях своего альбома Деньшин с тревогой и грустью писал о том, что промысел умирает, что он накануне

полной гибели. Стараясь спасти его, Деньшин и выпустил этот альбом с рисунками игрушек А. А. Мезриной.

«Как особенность необходимо отметить, — писал Деньшин, — что с А. А. Мезриной обрывается это искусство, преемников у нее не имеется, дочь, хотя и помогает, но работать так, как мать, не может».

А одна из фраз в деньшинском альбоме звучала как поэтический грустный реквием игрушке, написанной рукой влюбленного в нее художника, который пронес эту любовь через всю свою жизнь:

«Так умерла, ушла из жизни одна из очаровательнейших и удивительнейших сказок народного искусства, порой встречаемого и теперь в остатках деревянного зодчества, в песнях, в обычаях, в стиле костюмов, среди лесов и полей далекого севера, в деревенской глуши и сельской тишине, медленно выходящих на новые пути современной культуры».

Умерла? Как же так?! Красуются ведь коники на полке у моего приятеля, под стеклом интуристовских сувенирных лотков, в художественных салонах. Значит, не умерла — жив промысел! А вот как уцелел? В 30-е годы журналы еще писали о работах Мезриной: значит, старушка Афанасьевна, друг Деньшина, продолжала работать. Художественная критика, отли-

чавшаяся в ту горячую пору особенным пылом, обвиняла ее то в отсутствии современной темы, то в пародии на современную тему. Недаром же, защищая ее, Л. А. Динцес писал в своей книге со всей серьезностью и безо всякого юмора, что «такие игрушки, как нарядные свистульки — козлы, коники, птички и т. п., ничего вредного... не таят».

Что же спасло промысел? И кто они, все эти сегодняшние мастерицы, чьи имена стоят на бумажных ярлычках под животами у коников, под колоколами-юбками у кормилиц? На это ни одна из книг не дала мне вразумительного ответа.

Но я не отчаивался. Мне предстояло ехать в Киров, где я и собирался узнать все подробнее.

С тем и покинул я гулкую тишину читальных залов и отправился на вокзал за билетом, чтобы продолжить свое путешествие за дымковской игрушкой.

КИРОВ. СУББОТНИЙ ВЕЧЕР.

После моего библиотечного путешествия Вятская земля и столица ее город Киров представлялись мне краем далеким, тихим, землей старинных промыслов, рез-

ных оконных наличников, лесной глушью, «медленно выходящей, как писал Деньшин, на пути современной культуры». И слова вспоминались мне все какие-то старинные, вятские — «свистунья», «топотунья».

И еще, конечно, вспоминались «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина, написанные под впечатлением восьмилетней ссылки в Вятскую глушь, «неопрятный, далекий городок Крутогорск», как окрестил сатирик это «безобразное захолустье», где повсюду «видится нагота и неприкрытость».

Однако, выйдя из троллейбуса в центре города, я очутился перед огромным, как заокеанский лайнер, полукруглым зданием гостиницы, которая без излишних хитростей так и называлась «Гостиница», о чем возвещали огромные

неоновые буквы на полукруглом фасаде. Из раскрытых окон ресторана «Россия» доносились бодрые звуки провинциального джаза, мощного, как симфонический оркестр. А на широком тротуаре перед гостиницей царило оживление, какое даже в такой вот теплый субботний весенний вечер обнаружишь не во всяком городе. Молодежь толпилась у вечернего кафе, ограничивавшего свой прейскурант шампанским, молочным коктейлем и кофе. Лихие, точно моряки, таксисты, собравшись кучей, обсуждали свои, не всякому смертному понятные дела. В общем, современный город жил своей вечерней жизнью, и я на минуту убоялся, что мне нелегко будет отыскать тут следы маленькой глиняной игрушки.

Но уже в вестибюле гостиницы, под стеклом лотка «Сувениры» передо мной засияла своими необузданными красками веселая «дымка». И чуть не каждый, кто входил в вестибюль, невольно приближался к лотку и долго рассматривал фигурки под стеклом, а потом, приценившись к ним, покупал себе расческу или лезвия, потому что игрушки, надо сказать, были довольно дороги.

Забросив в номер вещи, я тут же отправился осматривать город — легендарный Хлынов, куда сменявшие друг друга цари и правительства неизменно ссылали хороших людей — Герцена, Салтыкова-Щедрина и многих-многих других.

Сегодняшний Киров оказался большим и оживленным промышленным городом, производящим мощные машины, тончайшие приборы, цветные металлы, мотороллеры — всего не перечечь.

Многие здешние промыслы выросли в промышленность — сапожники успешно работают на комбинате «Искож», мастера, делавшие гармоны, — на музыкальной фабрике. А некоторые промыслы живы — и резьба из редкого местного капо-корешка, и изготовление токарной, глиняной, берестяной игрушки, и плетение кружев, и обработка мехов.

На главной улице светились огни кинотеатров и магазинов. На фоне вечернего неба в трогательном соседстве выделялись силуэты древнего храма и телевизионной мачты, прошитой красными огоньками.

Я свернул в боковую улочку и стал спускаться к реке. На улице Труда я остановился и вытащил блокнот. Да, вот он и есть Раздерихинский овраг и бывшая Раздерихинская улица!

Я миновал фонарь на углу и встал над оврагом. Вот где-то здесь, «на реке Раздерихе близ присутственных мест надо рвом реки Вятки» и была построена часовня, а потом «место погребения обратилось в гульбище...».

Уже стемнело. Улица была пустынная, и

только наверху, на скамейке, «близ присутственных мест» обнималась юная парочка.

Здесь, на краю оврага, я легко представил себе яркий майский денек в пору «свистуньи»: шатры и балаганы торговцев, пестрые набойки крестьянок и кринолины барынь, карусели, скорморохов, шум, свист, гомон, пиликанье гармоней. И крестьянских и городских ребятишек с льяными головенками, играющих с пестрыми, позолоченными куклами из Дымкова.

Вот отсюда те, что побогаче, катают вниз раскрашенные глиняные шары. Вятская же беднота собирает их на дне оврага в ведра, тащит наверх и снова продает. Бедноты много, всем нужны деньги, и не все трезвы, так что не всегда гульбище и обходится гладко. Недаром же, по рассказу Деньшина, начальству пришлось запретить потом эту традиционную забаву...

Какой, верно, бывал здесь пьянящий шум и какое безудержное веселье, рожденное праздником, которого ждали всю зиму, большим сборищем людей, ярким солнышком, свистом и топотом! Гуляющие дудят в глиняные свистульки, в берестяные дудки, в жестяные трубы, бьют в барабаны, гармошки верещат и пиликают, зазывалы кричат у балаганов, торговцы расхваливают свой товар! И пронзительней всего — свист дымковской глиняной свистульки, свист, что идет из самой глубины веков.

Совсем недавно мне привелось провести новогодние праздники в Будапеште, где я видел столь же брызжущее веселье.

В канун Нового года еще с полудня выросли на будапештских перекрестках лотки, на которых продавали маленьких поросят и бумажные дудки. «Кому нужно столько дудок?» — подумалось мне. Впрочем, и я тоже купил себе дудку за три форинта, а вечером нашел ей применение. С вечера город наполнился гулом и свистом. Нескончаемым потоком тянулись по тротуарам люди. Почтенные отцы семейства и гимназисты, мальчишки и пожилые рабочие, туристы и пригожие будапештские девчата — все трубили в эти бумажные дудки; подкравшись к прохожему сзади, они начинали неистово гудеть, радуясь, если он оборачивался оглушенный и застигнутый врасплох. И никто не обижался, всем было весело. Иногда незнакомые почтенные горожане, как упрямые козлы или воинственные лоси, вдруг вставали друг против друга и дудели, наставив дудку на противника, — кто кого передудит. Конечно, дудки во время этих турниров ломались, но можно было тут же купить новую дудку.

Никогда в жизни не было мне так весело в новогоднюю ночь. И вот теперь, стоя над оврагом, я без труда представил себе вятскую «свистунью», прибавив к пережитому тогда в Буда-

пеште неумемный разгул русской пляски, пестроту костюмов, весенние ветры с Вятки и, конечно, сверкающую своими неправдоподобно яркими красками и золотистой поталью дымковскую игрушку.

Мне думается, что «свистунья» возродится в Кирове, как возрождается масленица, проводы русской зимы. Ведь спрос на веселье и праздники растет с каждым годом, как растет спрос на веселье дымковской игрушки. Кстати, в эту зиму оформляя новогоднюю елку на главной площади, кировчане использовали мотивы «дымки». На площади выросли гигантские деревянные барыни и коники. И мне не раз приходилось слышать рассказы кировчан об этом празднике.

Подул ветер. Холодней стало у пустынного Раздерихинского оврага. Пора домой.

Город затихает, отходя ко сну. Почтенный массивный швейцар ресторана вежливо и настоятельно прощается с последними посетителями. Дикторша телевидения уже пожелала кировчанам спокойной ночи. Закрылся дежурный гастроном в центре. Прохожих стало меньше. И только таксисты еще продолжают обсуждать свои дела, стоя у подъезда гостиницы.

В ЗАРЕЧНОЙ СЛОБОДЕ

Назавтра после обеда я отправился в слободу Дымково, что размещается прямо напротив города, на том берегу Вятки. Мысленно я уже совершал это путешествие то пешком, то на пароме, то в лодке с каким-нибудь бородатым перевозчиком-дымковчанином. Но сейчас местные

жители только качают головой.

— В Дымково? Раньше по льду ходили...

Старушка коридорная советует отложить путешествие:

— В ваших-то ботиночках! Нет, уж лучше отступитесь пока... Вот уж мост новый пустят...

Я не хочу отступаться. Доехав на автобусе до Профсоюзной улицы, я спускаюсь к Вятке по весенней строительной распутице.

А у реки столпотворение. Мне повезло: в этот солнечный весенний денек открыли движение по новому мосту. Похоже, это большое событие и для кировчан и для дымковчан: много здесь прежде бывало мороки с переправой.

Дойдя в воскресной толпе гуляющих до середины нового моста, я остановился у барьера посмотреть на слободу. Я уже знал эти приземистые домики по фотографии в деньшинском альбоме. Художник писал, что глядя на слободу из города, невольно думаешь о меткости ее названия — так прижались домики к земле, так приплюснулись, что только дымки из труб и заметны на дальнем расстоянии.

Слобода мало изменилась с тех пор — все те же приземистые домики, те же смоляные лодки у дворов, те же дымки из труб. Глядя сейчас на слободу с нового моста, я думаю о том, что скоро, видно, изменится и дымковский пейзаж... По новому мосту потоком пойдут машины и автобусы, вырастут и в слободе новые большие дома, такие, как стоят теперь в Кирове. Вон уже сейчас растет в центре слободы какое-то кирпичное здание. Впрочем пока, если забыть о моторном гомоне и гудках на мосту, легко представить себе слободу такой, какой еще мальчишкой видел ее Алексей Деньшин, прибежавший сюда в поисках старушки, что делает удивительные глиняные фигурки.

...Старушка эта, Афанасьевна, ютилась в малюсеньком домике, ветхом и покосившемся, во дворе мастерской Ивана Петровича Караваева, той самой гипсовой мастерской, что задавила старинный промысел. Любимые собачки Афа-

насевны лаем встречали Алешу, и под этот лай он входил в жалкую избушку, где стояла широкая лавка, русская печь, а повсюду были разбросаны комья глины. Старушка, Анна Афанасьевна Мезрина, встречала его добродушным ворчанием. «Ну, что ты все ходишь, да все сидишь в избе, да смотришь. Такой молодой, побегал бы лучше на воле». А он не уходил.

Он смотрел, как оживают в ее руках комья сырой глины, как начинают вдруг переливаться под ее кисточкой всеми цветами радуги маленькие беленые фигурки, и никуда не хотелось ему идти от этого чуда, от древнего народного промысла, ставшего самой большой любовью его жизни. Урчал серый кот, любимец Афанасьевны, луч солнца, пробившись в избу, золотил рожки оленей да кокошники барынь, и неторопливо лился ее рассказ о несладкой доле мастерицы:

«Работаешь, работаешь, до упаду и голодом насидишься, и поплачешь другой раз — все денег нету. За тридцать копеек свистульку сдаешь скупщику, а потом и находишься двадцать раз, никогда сразу не отдаст за всю работу...»

Так впроголодь жила эта замечательная мастерица, а работать ей приходилось по 18 и 20 часов в сутки. Сама она носила ведром глину из дымковского оврага в ту пору, когда спадала вешняя вода, сама запасала песок и месила гли-

ну. А однажды художник застал старушку за странным занятием: Афанасьевна отчаянно раскачивалась и приплясывала, стоя на краях большого чугунного котла, под которым был насыпан мел.

— Что ты делаешь, Афанасьевна?

— А как же еще-то мел растирать? — сказала она, закончив странную свою пляску.

Воспоминания Деньшина проходят сейчас передо мной. Я стою на новом мосту и гляжу оттуда на Дымково. Вот она, значит, какая, эта слобода, где по упоминанию «Адреса-календаря» за 1856 год пятьдесят девять семейств, то есть чуть не все население, занималось игрушечным промыслом. А еще кормились дымковчане перевозом. По весне же ловили они лес, что плыл вниз по Вятке. Вообще-то промыслы не были редкостью в вятской земле, где только один из десяти крестьян мог прокормиться от своего хозяйства. Но видать, все эти праведные труды, в том числе и глиняная игрушка, не принесли дымковчанам палат каменных: низко к земле клонились крыши их домишек, где с утра до вечера, давая волю своему воображению и нерастраченному женскому чувству, трудились безвестные народные мастерицы.

Я спускаюсь с насыпи и отправляюсь искать следы дымковских мастериц.

Права была коридорная: не в ботинках бы

идти сюда по весне, прямо хоть «отступайся». Ноги проваливаются под снег, а там вода. Да и снежных островков осталось мало — все заливает. И дымковские избушки уже готовы к ежегодному потопу — весеннее солнце поблескивает на смоляных боках лодок...

— Мастерская игрушки? Вон она. Где новый дом строится... — И хозяева уходят в избу, а я остаюсь на зыбком снежном острове.

Но мастерская игрушки в Дымкове — это совсем не то, что я искал. Здесь делают гипсовых коней — наследие караваевской мастерской. А где «лепят из глины» — никто не знает.

— Вот пойдите на Первомайскую улицу, там живут какие-то мастерицы...

Из работающих постоянно в Дымкове, кажется, осталось только две мастерицы — Пенкина и Кошкина, обе снохи знаменитых некогда игрушечниц и продолжательницы традиций двух знаменитых домов. Впрочем, здесь не так легко установить родословные — работают только женщины, а они, выходя замуж, меняют фамилию. Потому-то так долго бродил я по Дымкову в поисках дочери Афанасьевны, пока не удалось мне выяснить, что она теперь живет в самом Кирове и еще что где-то на Первомайской есть семья игрушечниц.

Наконец, попадаю к солидному деревянному дому Кошкиных в самом начале Первомай-

ской улицы. Собачонка, безобидно облаяв меня, уходит под крыльцо. Звоню в звонок, потом вытираю ноги в чисто вымытых желтых сенях.

Выходит молодая женщина:

— Зинаиды Федоровны нет. Она в гостях, в Кирове, скоро придет.

Так вот, значит, кто живет в доме Кошкиных! Зинаида Федоровна Безденежных — одна из трех мастериц старейшего поколения. Это и есть дочь Елизаветы Александровны Кошкиной.

— Да вы подождите. А то можно заглянуть к Евдокии Захаровне, она тоже по игрушке...

Мы стучим тут же в сенях куда-то направо.

Евдокию Захаровну, тихую, невысокую приветливую женщину средних лет, сноху покойной Елизаветы Кошкиной и вдову ее сына, погибшего на войне, я застал за работой. Она лепит сидя у окна за маленьким столиком, и я попросил ее не бросать своего занятия. Присев рядом с ней на табуретке, я впервые увидел здесь, как из куска глины рождается игрушка.

Мокрая тряпка да небольшая деревянная лопаточка — вот и все орудия мастерицы. Евдокия Захаровна раскатывает кусок глины, бьет по нему ладонью. И вот уже поднимается на четырех ногах, вытянув вверх массивную шею с птичьей головой, странное чудовище, похожее на динозавра. Какой странный зверь! Евдокия Захаровна снова бьет по лепешке глины. Полу-

чает новый блин. Она сплющивает длинную колбаску и, изогнув ее волнообразно, прикрепляет к блину. Получается что-то вроде подушечки-думки.

— Сюда б можно было еще большие розетки прикрепить, — говорит Евдокия Захаровна.

Опять было б что-то вроде диванной подушечки. Но куда же она денет эту подушку? Я терпеливо жду.

Ловким движением Евдокия Захаровна прилепляет подушечку к голому заду доисторического чудовища. Теперь это уже скорее птица, чем четвероногое, хотя и определено о четырех ногах.

— Это индюк, — говорит мастерица. — Нашего дома зверь. И Зина его тоже лепит, и свекровь-покойница лепила.

Значит, диванно-подушечный этот индюк — фирменный зверь дома Кошкиных. Да, да, он вполне в традициях Дымкова, где пестрота узоров и пышность лепки идут от цветных крестьянских набоек и пышных кринолинов модниц прошлого века!

Евдокия Захаровна показывает мне уже расписанного индюка. Тут есть где разгуляться женской фантазии — каких только не найдешь живописных и лепных украшений на этой гордой и неумной птице. Впрочем, на мой взгляд, индю-

ку не хватает той традиционной скульптурной выразительности, что находишь в кониках, козликах, всадниках или водоносках. Зато для росписи — тут полный простор: индюки довольно велики, они так и пестрят орнаментами — и хвост розеточками, и пышное жабо на груди.

— Я больше всего люблю индюков лепить, — говорит Евдокия Захаровна. Вообще-то роспись предпочитаю лепке. Еще в молодости любила красить. А сейчас вот дочь моя Люба с работы придет и сразу: «Дай, мама, покрашу».

Мне подумалось, что и впрямь, интересное это, наверное, занятие — раскрашивать зверя, давая волю фантазии, придумывая бесконечные комбинации узоров, выбирая наиболее подходящие из сотен существующих и тысяч, может быть, никогда не существовавших.

Евдокия Захаровна показывает уже расписанную водоноску. Это принаряженная вятская красotka с коромыслом и ведрами.

— Чего ж она так нарядилась за водой-то? — спрашиваю я.

— А тут у нас в Вятке, говорят, обычай был. Парни на завалинке или на лавочке у ворот сидят, глазеют, невесту выбирают. А девушки разоденутся и за водой идут, себя показывают. Потому они такие модницы, наши водоноски.

— А откуда олень?

— А это в Вятку на маслену приезжали с

севера «самоеды» на оленях, ребятишек катали на ярмарке...

Уже позднее, листая в местном музее последнюю рукопись Деньшина, прочел я там рассказ покойной мастерицы Елизаветы Ивановны Пенкиной о том, как отец ее как-то, подвыпивши, привез прямо в слободу «самоеда» с оленем. «Самоеда» напоил допьяна да и сам спать улегся, а когда проспались, гость за пятак ребят на олене покатал. И еще однажды отец детишек в город свозил, в цирк.

Нетрудно себе представить, как врывались эти яркие впечатления в серую жизнь ребенка убогой заречной слободы. А потом рождались из глины, красок и золотистой бумажки — потали — сказочные зверьки: олешки с золотыми рожками, клоуны верхом на свинье да козлы в странных штанишках — не то и впрямь штанишки, не то пушистая с бахромой шерстка на козлиных ногах.

Дотемна засиделся я на половине Евдокии Захаровны. А потом нас пригласили на другую половину — к Безденежных.

Здесь больше ощущалась массивность и добротная домовитость кошкинского дома: большая печь, широкая лавка, прочный большой стол. Да и сама хозяйка, дочь Елизаветы Александровны Кошкиной, оказалась женщиной очень высокой, полной, можно сказать, величествен-

ной. Попросив извинения, она хлопчет по хозяйству, и когда узнаю я, что вместе с другой мастерицей Е. И. Косс-Деньшиной справила она недавно свое шестидесятилетие, мне остается только удивляться ее неистощимой энергии.

Домовитость Кошкиных, их большой по дымковским масштабам дом, широкая скамья, на которой лепила Елизавета Александровна, а теперь иногда работает дочь, невольно у всех посетителей вызывает в памяти игрушки, вылепленные Зинаидой Федоровной, — такие же массивные, даже при небольшом размере, устойчивые, солидные, прочно стоящие на глиняных ногах или на нешироком юбочном колоколе-пьедестале.

Зинаида Федоровна рассказывает о своей матери, замечательной мастерице игрушки — Елизавете Александровне Кошкиной.

Лиза рано осталась без отца, и с восьми лет пришлось вдовой матери засадить дочь за лепку. А в восемнадцать отдала замуж. Но и обзаведясь семьей, продолжала она работать. В старости Елизавета Александровна стала «темнеть», терять зрение от росписи.

Зинаида Федоровна протягивает мне табакерку:

— Это вот мама, бывало, понюхает — и сразу лучше видит. Пробуйте. Мы с Дуней, золов-

кой, тоже иногда маму вспомним да понюхаем... Ну, как?

Я уважительно тычусь в жестяную табакерку и, прослезившись от едкого и бодрящего запаха, неопределенно мычу:

— Да, конечно...

Все, кто был знаком с Елизаветой Александровной, вспоминают, что это была замечательная мастерица и сильного характера женщина. Отпечаток ее твердой руки сохранился не только в кошкинском доме, но и в работах дочери, снохи и их учениц — молодых дымковских мастериц.

В этом доме в свое время перебивало немало посетителей, любовавшихся работами Елизаветы Александровны. Некоторые оставляли записи в ее небольшой тетрадошке. Большинство — какие-то незнакомые подписи — туристы, школьники, рабочие, учителя. А вот знакомая фамилия:

«Большое спасибо вам, Елизавета Александровна, за то, что доставляете радость нам своим замечательным искусством». Это писатель Леонид Леонов.

Старый, прочный кошкинский дом, как корабль, вошел в новый век. В большой комнате не умолкает невнятный говор телевизора. Какой-то фильм. Разговаривая или стряпая, Зинаида Федоровна то и дело бросает украдкой

взгляд через открытую дверь на синеватый экран.

— Ох, я до него большая охотница, до телевизора, — говорит она, заметив мою улыбку.

Она щелкает выключателем. Зажигается свет, почему-то напомнивший мне сразу о московском метро. Поднимаю голову. Ну да, лампа дневного света!

В мастерскую старейшей игрушечницы вторгается век. Впрочем, вторжение его ощутимей всего даже не в этом, а в другом. В нарушении старых традиций, в новом отношении к товарищу по работе, которое провозгласили Зинаида Федоровна и Евдокия Захаровна. Бывало, дымковские мастерицы ревниво хранили свои секреты. Придет к Елизавете Александровне гость, она вытрет руки, накроет недоделанную игрушку полотенцем, а то и сомнет глину, пожалуй.

А дочь Зина и сноха Дуня вынесли все секреты на люди. Так произошло и в большинстве уцелевших в наши дни промыслах. Вышли на свет «фамильные секреты», хитрости ремесла были открыты всем желающим их знать — изменилась жизнь, да и сознание мастериц.

В 1958 году Зинаида Федоровна и Евдокия Захаровна взяли вместе с Лидией Ивановной Никулиной и Зоей Васильевной Пенкиной учить новый большой набор учениц всем секретам своего мастерства.

И по сегодня учат. И по сегодня принимает игрушку в Художественном совете мастерской Зинаида Федоровна Безденежных, критикует, показывает.

Нет больше конкурентов у дымковских мастериц. Есть младшие товарищи по работе, есть ученицы, которым нужно успеть передать все, что получено в наследство от матерей, все, что приобретено за десятилетия работы.

Зинаида Федоровна сама лепит уже только для выставок.

Она подходит к печи и снимает несколько мелких фигурок. И одну огромную, еще не раскрашенную барыню. Большие фигуры — излюбленный вид работы у Зинаиды Федоровны. Такие же любила лепить и старая Кошкина.

— Всякие люблю лепить, — говорит Зинаида Федоровна. — Сто штук сделаю, и все будут разные.

Она протягивает мне маленькую желтенькую курочку с неуверенной красной строчкой узора.

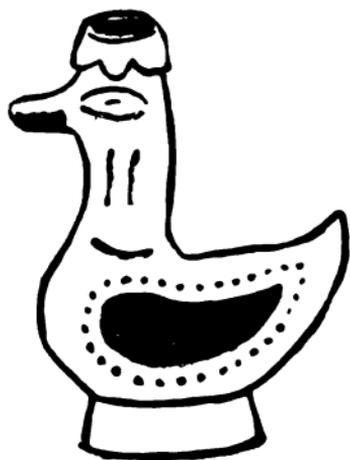
— А это вот Галя расписывает, внученька. И зайчик ее. Восемь лет ей только, а уж так любит игрушки эти! Тут у них в школе, в Дымкове, кружок есть, все лепят, и мальчики и девочки...

Поздно вечером, простившись с Зинаидой Федоровной и Евдокией Захаровной, пускаюсь я в небезопасное путешествие по дымковской

распутице. Чернеет в темноте недостроенное здание новой игрушечной мастерской, где будут «работать гипс». Было время, когда теснимые караваевской конкуренцией, «работали гипс» чуть не все лучшие дымковские мастерицы. Да, пожалуй все, кроме старушки Афанасьевны. Где-то вот тут, во дворе мастерской, стояла ее покосившаяся избушка.

И еще сильнее после той прогулки захотелось мне познакомиться со старейшей дымковской мастерицей, дочерью Анны Афанасьевны Мезриной, 76-летней Ольгой Ивановной Коноваловой, которой в Дымкове мне найти не удалось. Но было уже поздно, и поиски пришлось отложить на завтра. Поэтому, бросив последний взгляд на огоньки Дымкова, я зашагал прочь от моста к вечерней суете главной Кировской улицы — улицы Ленина.

ДОЧКА АФАНАСЬЕВНЫ

Ольга Ивановна Коновалова, дочь А. А. Мезриной, живет в стандартном двухэтажном доме в Искожевском переулке, неподалеку от комбината «Искож». Я сразу узнал ее, потому что эта очень живая

энергичная старушка с пронзительными темными глазами напомнила мне ее мать Афанасьевну, какой я видел ее на фотографии в альбоме А. А. Деньшина 1926 года издания.

Ольга Ивановна проводила меня в комнату. С сундука с беззлобным лаем спрыгнула беленькая собачка.

— На место, Белочка, — строго говорит Ольга Ивановна. — Ну, обнюхала, а теперь на место.

Ольгу Ивановну я застал за стряпней, и мне почему-то снова пришло на память все, что писали о ее знаменитой матери: та тоже очень любила стряпать и у той тоже всегда были в доме животные.

Мы присаживаемся к столу, на который Ольга Ивановна водружает миниатюрный самоварчик. За чаем она рассказывает о матери.

С раннего детства пришлось работать Анне Афанасьевне. Продолжала она делать игрушку и после замужества. Отец Ольги Ивановны был тоже ремесленник — шил детские сапожки. Работали и дочери — Леля и Саня — помогали матери. И все же семья жила впроголодь. Потом умер отец, а Ольга Ивановна вышла замуж. Саня работала в типографии и помогала матери делать игрушку. И едва зарабатывали вдвоем на жизнь. Вскоре после революции у Ольги Ивановны муж умер, и она вернулась в материнский дом. Днем она тоже работала в типографии, а вечерами все три одинокие женщины лепили и раскрашивали.

...Тесная избушка. Тусклый свет лампы. Склоненные над росписью головы трех женщин, судьба которых сложилась так несчастливо. И веселая их яркая роспись — точно буйная русская песня, когда в каждой глиняной кукле-барыне, в каждой водоноске, в оленях и всадниках расправляла крылья мечта — мечта о ненайденном счастье, о другой, красивой и радостной жизни. А, может, и просто — мечта о тех солнечных майских днях, когда игрушки выйдут из сумрачной избы на яркую разгульную ярмарку, полную шума, смеха, крика и свиста — на вятскую «свистунью».

Работали они под руководством матери, у которой к этой работе был замечательный та-

лант, исключительное чувство меры. Еще от бабушки Дарьи Константиновны Никулиной переняла она свое мастерство и лепила сотни и тысячи игрушек, воспроизводя на память бесчисленное количество узоров и орнаментов. Игрушка у нее была по-особенному изящная, миниатюрная, и, надо сказать, эта черта материнского стиля передалась дочерям (Саня Мезрина тоже была отличная мастерица).

Еще Деньшина поразило когда-то изящество лепки Мезриной: все фигурки словно взвешенные — все одного роста и веса. И с большим вкусом выполненная роспись десяти тонов. И стройная система орнамента — кружки, полоски, точки, овалы, — так органично сочетавшаяся с формой и материалом глиняной игрушки.

«Здесь загадка — писал Деньшин, — чем вызвано это интересное явление? Или это непосредственная интуиция народного творчества — слияние скульптурной формы с живописной, или это переработка в условных пятнах стиля костюмов эпохи 40—60-х годов. Эпохи барских пестрых кринолинов и обилия кустарных цветистых крестьянских набоек. Очевидно и то и другое имело свое место».

Мне кажется, Деньшин был прав. Конечно же, замечательно тонкая интуиция такого мастера-самородка, как А. А. Мезрина, подсказывала ей орнамент, столь органично сочетавшийся с

контурами игрушки и фактурой. Думается, именно потому и закрепилась тут мода 30—40-х годов прошлого столетия, что сочеталась она и с характером игрушки и с традицией, которая шла еще из темных времен, когда стояли на заросших лесом берегах Камы и Вятки деревянные болваны-идолы. И потому, наверно, закрепился в игрушечных модах пышный криолин юбки, что лег он органически на юбку колоколом древней глиняной богини...

Революция принесла признание старой мастерице. Вышли альбомы А. Деньшина, стали появляться в газетах статьи о промысле. Однако работала по-прежнему одна Анна Афанасьевна, и в издании альбома Деньшина за 1926 год повторялся тот же отчаянный рефрен об умирании промысла.

Перелом и в жизни Анны Афанасьевны и всего дымковского промысла наступил, пожалуй, в 1933 году. Анна Афанасьевна была в тот год отправлена вместе с Саней на съезд лучших мастеров художественной промышленности в Горький. В первый раз за свои восемьдесят лет села она в поезд, увидела новые города, русские просторы. И здесь, на большом сборище мастеров, что съехались со всех концов страны, Анну Афанасьевну ждало признание, о котором и не могла мечтать ни одна из талантливых дымковских мастериц прошлых поколений. С удивле-

нием увидела она, что игрушку ее знают люди из разных городов, что о ней спорят, ее хвалят. И совсем уж растерялась Афанасьевна, когда выбрали ее в почетный президиум от Кировской области. А когда попросили выступить, растроганная восьмидесятилетняя мастерица встала, раскланялась и от волнения не смогла произнести ни слова. А вскоре по возвращении получила Анна Афанасьевна персональную пенсию.

Промысел был признан всенародно, в слободе увидели, что древняя дымковская игрушка нужна людям, которые так стремительно меняют вятскую глушь, понастроили здесь заводов, проводят электричество, и к промыслу вернулись многие мастерицы из потомственных родов дымковских игрушечниц: Кошкины, Пенкины, Воронцова.

Делала игрушку и Ольга Ивановна. В эти годы умерла Саня, а вскоре и мать. Но старушка Афанасьевна ушла из жизни не так, как умирали безвестные дымковские искусницы, она была уже признанной художницей, человеком, известным всем, кто любит народное русское искусство.

Ольга Ивановна осталась совсем одна — со своими любимыми животными (сначала шпиц Пиньчик, теперь вот Белочка, которая, слушая рассказ хозяйки, кашляет как-то совсем по-человечески) и со своей любимой работой.

— Не могу я без игрушки, — говорит она. — Вот тут приболела немножко. А как встала, пошла в Дом художника, взяла глинки. Надо лепить, думаю. Просили у меня для выставки, да и для музея просят разные города. Что леплю? Да все леплю, а больше разное зверье — курочек, козлов, сорок, медведей, коняшек...

И действительно, у Ольги Ивановны еще в большей степени, чем у ее матери, проявляется любовь к фигуркам животных, умение лепить их с выразительной точностью и добрым юмором. Выдумка ее здесь неисчерпаема. Она любит придумывать всякие звериные сюжеты, навеянные русскими поговорками, присказками или сказками — тут у нее и «Пирушка зверюшек», и «Кот сухари толчет», и «Лисья свадьба». Она первой стала давать своим уточкам кокетливый поворот головы, и они куда живее, эти уточки, чем прежние «свистульки». Может показаться странным, что я говорю о такой малости, как поворот головы, но ведь в дымковском промысле фигурки освещены вековой традицией, они, как говорил Деньшин со слов Афанасьевны, «как бы отчеканивались зрительной памятью», и потому каждый новый шаг мастера в развитии традиции интересен. Коноваловские уточки уже прижились в промысле.

Интересны у Ольги Ивановны и ее маленькие пестрые сороки с филигранной росписи плос-

кими хвостами. Вообще-то, тщательная, скрупулезная роспись и мелкие детали орнамента не характерны для работ Ольги Ивановны. У нее чаще встречаешь доминирующее яркое пятно на белой поверхности фигурки и вокруг него другие яркие пятна, дающие в целом веселую и изящную раскраску. Роспись ее поражает легкостью и мягкостью.

Поставив фигурки Ольги Ивановны рядом с фигурками Безденежных, сразу замечаешь разницу в манере этих двух известных мастериц. Если у Безденежных фигурки монументально устойчивые, даже приземистые, то фигуркам Ольги Ивановны свойственна какая-то особая веселая легкость и миниатюрность. У многих ее куколок исчезает традиционная юбка колоколом и появляются ножки. Они так и называются эти коноваловские куколки — «куколки на ножках».

Это нововведение. То же можно заметить и в росписи. Цвета у Ольги Ивановны не интенсивные, живопись разбеленная, и яркое пятно особенно заметно среди незакрашенной белой поверхности и разбеленных красок орнамента. И розовый цвет у нее тоже нежный, разбеленный. У Безденежных же цвета интенсивные, не смешанные, насыщенные и, можно сказать, лаконичные. И там, где Ольга Ивановна предпочтет нежно-голубой, там у Безденежных, пожалуй, ляжет интенсивно-зеленый. Там, где у

Коноваловой будет дробное, свободное сочетание пятен, там у Безденежных тонкие узоры, которые и ложатся-то порой на уже покрашенную, а не просто забеленную поверхность.

Впрочем, сама Ольга Ивановна мало думает о подобных особенностях и различиях. Как и у других старых дымковских мастериц, характерный стиль ее возникал в результате семейной традиции, личных склонностей и особенностей характера. Она долго рассказывает мне о своей Белочке, о любимых животных и материнском доме, а потом без видимой связи добавляет:

— А вы моего «медведя с сумкой» видели? Да... А ведь и девочки наши тоже зверушек любят.

Девочки — это третье и четвертое поколение дымковских мастериц, работающих ныне в мастерской. В той или иной степени всех их можно считать ученицами Коноваловой, хотя по настоящему учить ей пришлось только третье поколение — Аню, Зою и Лизу.

Аня Шихова, Зоя Казакова, Лиза Перминова (до замужества Чарушина) начали учиться еще в 1955 году, учились у Е. И. Косс-Деньшиной и у Ольги Ивановны.

Аня Шихова интересовалась рисованием еще в школе. Позднее, уже работая уборщицей в Доме Советов, ходила она на занятия по рисунку в Дом народного творчества, а в 1955 го-

ду пришла по объявлению в артель, училась у старых мастериц. Ане нравится ее работа, и рассуждает она о ней немножко по-другому, чем подруги, профессиональнее, может быть.

— Знаете, — говорила она, — меня всегда радует возможность добиться какого-то своего сочетания цветов, своего соотношения холодных и теплых тонов, равновесия. Нравится придумывать новые сочетания...

Что касается сюжетов лепки, то Ане нравятся барыни и, конечно, четвероногие — олени, козлики в штанишках.

В этом с Аней сходятся и другие ученицы Ольги Ивановны. Лиза Перминова начала учиться, когда ей было восемнадцать. Жила она неподалеку от Ольги Ивановны, часто ходила к ней, и каждый урок доставлял девушке наслаждение. Сейчас это уже зрелый мастер. Она любит лепить коней и, пожалуй, еще птиц.

— Да у нас у многих такие вкусы! — говорит Лиза. — Вот, познакомьтесь со Светланкой Шаляпиной...

Ольга Ивановна довольна своими ученицами:

— Они хорошо работают. Да и те, что помоложе, неплохо. Вы увидите.

Помоложе — это уже четвертое поколение мастериц, с которыми мне еще предстоит познакомиться в мастерской и которые начали рабо-

тать только в 1958 году. Они не учились непосредственно у Ольги Ивановны, но, как мне пришлось убедиться, черты ее стиля у многих из них, а не у одной только Светланы Шаляпиной, весьма ощутимы.

Ольга Ивановна хорошего мнения о молодых, считает, что они старательно учатся, быстро растут. Да и то сказать — легче им теперь работать-то! И платят больше.

Сама она работает теперь мало, делает игрушку только для выставок и для ненасытных музеев.

— Да, переменялись времена, — говорит она. — Кабы раньше так-то.

Ольга Ивановна член Союза художников СССР, участник советских выставок как внутри страны, так и за рубежом. В Дымкове Ольга Ивановна не живет уже много лет.

— И давно не была там что-то, — говорит она. — А там, небось, река уже зашевелилась. Заливает Дымково. Да, вот я что читала в газете-то — мост вроде бы должны открыть...

Ольга Ивановна достает вчерашний номер «Кировской правды».

— Уже открыли, Ольга Ивановна. Я по мосту в Дымково и ходил.

— Вот оно что. Стало быть, мост. А когда-то наши дымковчане перевозом жили. Ну это когда было. Теперь у них и других дел полно.

У ВДОВЫ ДЕНЬШИНА

В адресном столе мне дали адрес Екатерины Иосифовны Косс-Деньшиной, вдовы художника Алексея Ивановича Деньшина, последней из трех крупнейших ма-

стериц, справивших незадолго до моего приезда свой совместный юбилей: 60, 60 и 75 лет.

— Пойдете по Герцена, прямо-прямо. Этот дом за Октябрьским проспектом, — объяснила мне девушка в справочном окошечке уже сверх своих служебных обязанностей.

И вот, оставив позади оживленную улицу Ленина, я иду вдоль длинной улицы Герцена, по зданиям и домикам которой можно проследить всю историю Вятки. Вот крепкие купеческие дома — ведь это был город купеческий, и первый в России частный банк был основан именно здесь. А рядом — малюсенькие деревянные мещанские домики «безобразного захолустья», провинциального городка, в дремучей скуке которого страдали сосланные Герцен и Салтыков-Щедрин. Дома из разных эпох стоят в одном неровном ряду на сегодняшней улице

Герцена, но люди по ней спешат из самой что ни на есть сегодняшней эпохи. Вон бегут на обеденный перерыв модницы-девчата с фабрики «Физприбор», знакомой нам всем с детства по надписи на ученических ручках — «Киров. КУТШО». За окнами библиотеки какие-то стойки, которых не выманишь на весенний солнцепек. Чаще всего это заочники-студенты и, главным образом, кировские рабочие — здесь таких очень много.

Библиотека эта была создана по инициативе Герцена. Герцен произнес речь на ее открытии. Он сказал, что библиотека — это открытый стол идей. Но и через десять лет после открытия библиотеки числилось в ней ровно столько же книг, сколько в год открытия, при Герцене. А постоянный подписчик был за все время только один. Недаром так томился здесь ссыльный Салтыков-Щедрин, жалуясь на недостаток книг и отсутствие в городе интеллигентных людей. Теперь герценовский «открытый стол идей» может предложить вам больше полутора миллиона книг, а «столуются» здесь иногда до тысячи человек в сутки.

За библиотекой — снова кусок старой Вятки; потом, миновав арку, вдруг попадаешь на широчайший Октябрьский проспект, застроенный новыми домами. Направо и налево уходят ряды многоэтажных зданий и все еще заснежен-

ные полосы бульваров. На углу блеснуло окнами студенческое общежитие: какие-то студентки, отложив учебники, глядят вниз на улицу. Не очень-то им охота учиться в погожий апрельский день!

Не верится, что приземистое, заливаемое внешней водой и утопающее в грязноватом талом снегу Дымково — где-то совсем рядом.

Но вот и дом, что я ищу, — дом, где живет знаменитая мастерица дымковской игрушки — Екатерина Иосифовна Косс-Деньшина.

Седая красивая женщина приглашает меня войти. Комнатка ее напоминает музей. В шкафу за столиком переливаются всеми красками и поблескивают золотом игрушки, стены завешаны фотографиями. Среди прочих выделяется портрет молодого мужчины с худощавым, мужественным и добрым лицом. Это Алексей Иванович Деньшин, покойный муж Екатерины Иосифовны, и разговор у нас, естественно, сразу заходит о нем.

Мальчишкой он бегал на воскресные художественные курсы при вятском технологическом училище. Преподавал здесь строгановец И. Ф. Федоров, большой знаток и любитель народного промысла. Часто в качестве модели ставил он своим ученикам дымковскую игрушку. И вот как-то, не успев закончить рисунок в классе, Алеша Деньшин решил сбегать в зареч-

ную слободу к старушке игрушечнице. Здесь-то и поразили его впервые работы Афанасьевны. Это было еще в 1908 году.

Так рассказывал жене Алексей Иванович. Так рассказала мне Екатерина Иосифовна. Маленькая веселая игрушка из заречной слободы вошла в жизнь этого горячего, неутомимого человека, стала главным делом его жизни.

Екатерина Иосифовна была дочерью столяра-краснодеревщика, училась в Петербурге в гимназии. Потом судьба занесла ее семью в Вятку. В Вятке, в драмшколе, где она училась, а Алексей Иванович преподавал историю искусств, они и познакомились.

К этому времени Алексей Иванович уже много сделал для пропаганды дымковской игрушки. Отправляясь в Москву, в Училище живописи, ваяния и зодчества, он каждый раз брал с собой игрушки и там показывал их специалистам в музеях. В 1917 году выпустил он первое издание своего альбома, через два года — второе.

В ту пору, когда Екатерина Иосифовна и Алексей Иванович решили пожениться, Деньшин готовил новое издание своего альбома с рисунками игрушек и очерки об истории игрушки и об Афанасьевне из Дымкова. Расписывать иллюстрации к альбому пришлось от руки, и помогать Деньшину взялась его невеста, к тому

времени успевшая уже не раз побывать в гостях у его старого друга — Афанасьевны.

Тысячу листов альбома пришлось расписать Екатерине Иосифовне. Это было ее первым и весьма основательным знакомством с игрушкой. Потом Екатерина Иосифовна стала расписывать игрушки старейших дымковских мастериц Е. Ворожцово́й и Е. Пенкиной. Сами они к тому времени расписывать помногу уже не могли из-за ослабшего зрения, и работа эта была великолепной школой для молодой мастерицы. Перед войной Алексей Иванович создал бригаду дымковчан для росписи павильона Кировской области на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. В эту бригаду вместе с Е. И. Пенкиной, Е. А. Кошкиной, О. И. Коноваловой, З. Ф. Безденежных входила и Е. И. Косс-Деньшина. А вскоре после выставки Алексей Иванович создал бригаду мастериц при товариществе «Художник». Теперь промысел уже твердо встал на ноги.

Популярность дымковской игрушки неожиданно возросла в годы войны. Казалось бы, меньше всего это время подходило для расцвета старинного промысла: положение на фронтах было тяжелое. Киров переполняли военные госпитали, голодно было в этом беспокойном тылу, куда война принесла столько горя. А между тем людей все больше интересовала пестрая фанта-

стическая игрушка дымковских мастериц, в которой, расцвеченная игрой русского таланта, жила мечта о счастливом дне. Конечно, теперь этот день представляется всем как День Победы. И выздоравливающие москвичи, ленинградцы, сибиряки из госпиталей и эвакуированные жители, согнанные войной с насиженных мест, или бойцы, проезжавшие через Киров, покупали на память дымковскую игрушку.

И дымковские мастерицы работали тогда с большим напряжением. Сотнями расписывали игрушки Екатерина Иосифовна и помогавший ей Алексей Иванович. Из-за реки возами привозили им готовую игрушку. В эти же годы начало учиться второе поколение сегодняшних мастериц: Евдокия Захаровна Кошкина, сноха Елизаветы Кошкиной, Зоя Васильевна, золовка Пенкиной и другие.

Много работала в эти годы Екатерина Иосифовна: сначала она только расписывала игрушку, потом начала лепить. О ней обычно говорят как об одной из самых «сознательных» игрушечниц, которая в отличие от старых дымковских мастериц, просто перенимавших по традиции формы и приемы работы матерей, сознательно относится к тому, что и как она делает. Может, впрочем, именно эта «сознательность» и мешала ей поначалу, побуждая добиваться в миниатюрных скульптурах не обобщения, а точного сход-

ства с натурой. Впоследствии эта скованность исчезает, и Екатерина Иосифовна становится одной из интереснейших мастериц игрушки. Со времени смерти Алексея Ивановича Екатерина Иосифовна была одним из руководителей мастерской игрушки. Сейчас она, как и другие старейшие дымковские мастерицы, делает игрушки в основном для выставок и музеев.

Екатерина Иосифовна много работает; ее игрушки можно найти в разных музеях страны, они неоднократно воспроизводились на репродукциях. Стиль ее вобрал в себя многое из стиля таких старейших мастеров, как Пенкина, Ворождова, Мезрина. Но хотя она варьирует в лепке традиционные дымковские сюжеты — коников, оленей, индюков, кормилок, — в трактовке их, в осанке всадника или поступи коня у нее всегда заметишь что-нибудь новое и свое. Екатерина Иосифовна любит брать яркие сказочные сюжеты, создавать многофигурные композиции. Из русских сказок пришли ее Жар-птица и Баба-Яга.

Екатерина Иосифовна считает, что яркая пестрая дымковская игрушка выигрывает в массе в сочетании с себе подобными, и потому она даже более, чем О. И. Коновалова, склонна создавать многофигурные игрушечные композиции. Одна из интереснейших ее композиций — «Вятская свистунья» — воскрешает замечатель-

ный вятский праздник, столь тесно связанный с историей дымковской игрушки. В этом пестром сборище фигурок, выполненных в традиционной дымковской манере, найдешь и скомороха с медведем, и горожанина, катающего глиняные шары, и дымковчанку, торгующую свистульками и разряженную барыньку. Все это очень красиво, пестро, и, конечно, подобные композиции имеют право на существование. Хотя, по правде говоря, мне больше нравятся отдельные игрушки, собранные в кучу. Но об этом позднее...

Екатерина Иосифовна бережно снимает с полок игрушки. В росписи их преобладают яркие, теплые тона. При взгляде на роспись невольно приходят на память игрушки знаменитой Мезриной и ее дочери О. И. Коноваловой: яркое доминирующее пятно и дробный орнамент, причем орнамент здесь менее традиционен, чем у Мезриной. «Горохи» и «кольца» в ее росписи причудливы и изящны, орнамент богат и декоративен. Екатерина Иосифовна любит оставлять незакрашенную поверхность, и от этого, на мой взгляд, игрушка выигрывает. Мастерница часто пользуется традиционной дымковской поталью—золотистой бумажкой, которую приклеивают к фигуркам. У оленей, конечно, всегда золотые рожки, но золота много также и на ее кониках, свистульках-баранах, индюках.

Работы Екатерины Иосифовны отмечены по-

стоянными поисками, экспериментами. Она ищет новых сочетаний цветов и орнамента, новых поз в лепке. Она пробует работать в других жанрах, с другим материалом. Одни из этих экспериментов более, другие менее удачны. На мой взгляд, нерасписанные, одноцветные и глазурированные фигуры менее интересны, чем традиционная дымковская игрушка.

Екатерина Иосифовна выполняла также эскизы костюмов на темы дымковских игрушек. В костюмах по ее эскизам дважды выступала Кировская самодеятельность — самодеятельные танцоры трудовых резервов и завода имени Первого Мая. Когда глядишь на лоскуты ткани с орнаментами дымковской игрушки, легко представить себе, какие изящные летние платья современного покроя из дешевой ткани могли бы носить наши девушки, если бы... Однако Екатерина Иосифовна — человек энергичный и намерена преодолеть эти «если».

А вот плиточки фриза на темы дымковских игрушек показались мне особенно интересными. Екатерина Иосифовна изготовила фризы для Кировского павильона на ВДНХ и для международной выставки керамики в Остенде (Бельгия). Мне кажется, подобные фризы, и скорее даже отдельные плитки такого фриза, могли бы удачно дополнить оформление современного интерьера. Так и видится мне зал со-

временного клуба или кафе с вделанными кое-где в стену керамическими плитками, оформленными «под дымку».

На фризах Екатерины Иосифовны изображены дымковские кормилки и коровы. Что касается коровы, то она получилась вполне в традициях Дымкова — неповоротливая, толстоногая, добродушная и смешная. Где-то здесь, видимо, и лежат пути успешного расширения тематики дымковской игрушки. Ведь из искусственного внесения современной тематики в ассортимент дымковских фигурок вряд ли может получиться что-либо стоящее. Еще лет тридцать назад дымковская мастерица попробовала лепить неповоротливых «красноармейцев» и «физкультурниц». Кончилось это тем, что газеты обвинили ее в карикатуре на действительность. Ну, а что изменилось от того, что одна из «куколок на ножках» у Ольги Ивановны стала называться пионеркой? Видимо, ключ — в тщательном изучении и развитии уже существующей традиции. Сложнейшая проблема современной темы в промысле ждет своего решения не только здесь. Впрочем, одно ясно: никакая погоня за конъюнктурой и актуальностью решить эту проблему не поможет.

— А что если попробовать вылепить глиняную фигурку современной Кировской модницы? — говорю я. — Румяной такой, круглоли-

цей, с модной челкой, делающей ее лицо еще круглее, в юбочке колоколом и черных чулках. Может, интересно получится...

Екатерина Иосифовна соглашается со мной:

— Я однажды предложила попробовать. И одна из молодых мастериц даже сделала нечто подобное, — с мягким юмором, чуть-чуть гротеска. Но многие были против...

Ну конечно же, должны были раздаться протестующие голоса! Как же иначе: ведь традиция-то складывалась веками.

Мне вспомнился рассказ о том, как спросили однажды старушку Афанасьевну, можно ли сделать кота. И старушка, большая любительница котов и прочего домашнего зверья, удивленно сказала: «Кота — его невозможно сделать».

А ведь и мягкая усмешка, и карикатура, насколько я понимаю, вполне в традициях Дымкова. У того же Деньшина записан рассказ о некоем Васе Пенкине, мастере из Дымкова, который лепил из глины уморительнейшие карикатуры.

Впрочем, наверное, и не в этом сейчас главная проблема промысла. Главное, как мне показалось, это необходимость создать новую плеяду талантливых мастериц, которые переняли бы все лучшее, что есть в работах старейших дымковских игрушечниц, и, развивая это лучшее, выработали индивидуальный стиль.

В этой связи я спросил у Екатерины Иосифовны, что она думает о молодых. Ведь в свое время Екатерина Иосифовна тоже учила мастериц — и Лизу Перминову, и Зою Казакову, и Аню Шихову.

Екатерина Иосифовна сказала, что, по ее мнению, у каждой из старых мастериц должны быть свои ученики, своя школа. Что же касается молодых мастериц, то у них индивидуальность должна проявляться раньше, чем это происходит сейчас. По мнению Екатерины Иосифовны, мастерицы должны иметь больше творческой свободы, а художественный совет мастерской, принимая работы, не должен подгонять их к какому-либо определенному и неизменному, единому стандарту.

Мне тоже подумалось, что стандарт может быть только техническим, может касаться качества лепки и росписи. Однако по-настоящему судить о работах молодых было трудно, так как мне еще только предстояло побывать в мастерской дымковской игрушки.

ДОМ ХУДОЖНИКА. СВЕТКИНЫ КОНИ

Сегодня с самого утра я отправился искать в городе мастерскую, которую уже искал безуспешно на заливаемых вешними водами улицах заречной слободы. Оказалось, что мастерская дымковской игрушки расположена в самом центре города, на улице Свободы, в пяти минутах ходьбы от гостиницы.

Вот и окрашенное в темно-красный цвет каменное здание кировского Дома художника, куда перебрался промысел из приземистых избышек Дымкова.

Дверь мастерской открыта, и я вхожу беспрепятственно. За двумя длинными столами десяток молодых женщин и девушек расписывают игрушки. Вот одна из них подняла голову: у нее совсем еще девчачье лицо с пышными волосами и удивительными серыми глазами.

А на столе — веселое буйство красок. Кучей лежат пестрые коники и желтые уточки. Поблескивают поталью рожки оленей, чернеют только что окрашенные копытца. Индюки распушили фантастической раскраски хвосты. Пестрые яр-

кие козелки в штанишках воинственно выставили бороды. Смешное сборище это играет всеми красками, переливается и словно бы ликует в светлой комнате мастерской.

Вот так лучше всего смотреть дымковскую игрушку, вот так она показалась мне особенно красивой, нарядной, выразительной. Именно так, когда она кучей навалена на столах, всего ярче и ошутимей ее необъяснимое воздействие: радостно становится и как-то совсем беззаботно на душе. Вроде как в те минуты, когда глядишь снизу вверх на веселое буйство бесчисленных куполов старинных деревянных церквей русского Севера — в Кижях или у Вытегры.

Я говорю об этом скульптору Михаилу Михайловичу Кошкину, чья мастерская находится здесь же по соседству.

— Да, это, знаете, материал для психологов,—говорит он.— Вы бы посмотрели, что тут делается, когда школьники на экскурсию приходят: их просто унять невозможно.

Мне вспомнился рассказ вятского писателя Всеволода Лебедева о том, как сестра его принесла домой дымковскую куклу-«кормилку» и как сидевшая у них в гостях деревенская старуха, увидев куклу, взяла ее в руки и пустилась с ней в пляс. Что уж тут говорить о городских школьниках, попадающих в мастерскую...

И еще одно отмечаешь, видя дымковскую иг-

рушку в массе: разнообразие этих, казалось бы, одинаковых игрушек. Они одинаковы и в то же время очень разные, все эти козелки, коники, кормилки, наездники, барыни, курочки. У них разная осанка и, конечно, разная, разнообразная до бесконечности, раскраска, также определяющая характер фигурок, характер бесхитростных зверушек или, как не раз уже отмечалось любителями игрушки, «разнообразие оттенков женского характера, которое появляется в раскрашенных вятских бабах, когда они стоят друг около друга».

Вместе со скульптором Кошкиным мы любимся безудержной яркостью дымковской росписи, и Михаил Михайлович рассказывает о том, как один из его знакомых художников, писавший натюрморт, поставил как-то на стол рядом с цветком дымковскую игрушку...

— И понимаете — цветок поблек, проиграл в окраске.

Потом Михаил Михайлович представляет мне здешнего мастера — Евгению Алексеевну Окишеву, выпускницу художественного училища. Знакомимся и с другими игрушечницами. Большинство из них девчата, пришедшие в мастерскую во время набора 1958 года — четвертое поколение мастериц. До прихода в мастерскую почти всем им уже пришлось поработать, но судьба у них складывалась по-разному.

Людмила Фокина училась в восьмом классе, когда началась война. Пришлось пойти работать. Людмила работала электромонтером на кожевенном комбинате, потом прядильщицей на кордной фабрике. Потом вышла замуж, родился сын. Интерес к искусству, особенно скульптуре, всегда жил в ее душе. В свободную минуту она любила бродить по залам местного художественного музея, а бывая в Москве, в гостях у дяди, часами пропадала в Третьяковской галерее и Пушкинском музее. Людмиле было уже тридцать два года, когда она прочитала в газете о наборе учениц в мастерскую игрушек. И тогда она решила переменить профессию. Муж, работавший в автопарке, поддержал ее. Вместе с подругами по мастерской Люда проходила конкурсный экзамен. Они лепили коня, простую барыньку. Двадцать человек, победительниц конкурса, было принято тогда в мастерскую. Среди них была и Людмила Фокина.

Учили новеньких Зоя Васильевна Пенкина, покойная Лидия Николаевна Никулина и Евдокия Захаровна Кошкина. Постепенно девушки овладевали всеми приемами работы. Школы одного мастера здесь не было, но в процессе ученичества и потом в процессе работы вырабатывались симпатии девушек, складывался их индивидуальный стиль. И надо сказать, чем дальше, тем отчетливее становятся эти различия в стиле.

Вот, скажем, работы Людмилы Фокиной. У нее в росписи преобладают мягкие теплые тона, нежные и женственные. Игрушки Фокиной выделяются большим разнообразием орнамента.

У Нади Максимовой самое заметное — контрастность цвета. У нее много несмешанных тонов, предпочитает она темные. Надя — красивая девушка, подтянутая, энергичная. Еще со школьных времен она занимается спортом. После семилетки закончила педучилище, преподавала физкультуру, потом, увидев объявление в газете, поступила в мастерскую. Последовательно прошла через увлечение игрушками Э. В. Пенкиной, Е. З. Кошкиной, Э. Ф. Безденежных (оказавшей, как мне показалось, наибольшее влияние на молодых мастериц). Работая здесь, Надя окончила десятилетку и теперь мечтает поступить в художественное училище. Об этом мечтают, кажется, и Люда Фокина, и многие другие мастерицы последнего набора. Надя не бросает спорт, играет в теннис, много читает, любит исторические романы и книжки о художниках. Я не раз видел на полках московских магазинов игрушки Нади — некоторые из ее индюков сделаны с фантастичной затейливостью, составляющей традицию кошкинского дома.

Высокая, миловидная Люда Иванова окончила железнодорожную школу, работала стар-

шим кондуктором, потом тоже случайно увидела объявление в газете и пришла в мастерскую.

— А теперь без этой работы просто скучаю, — говорит Люда. — К концу отпуска, бывает, не дождусь, когда снова за игрушку сяду. Нравится мне лепить.

Самая молодая из мастериц сероглазая красивая Светлана Шаляпина — всеобщая любимица. Свету любят подруги, о ней за глаза с теплотой говорят старые мастерицы — ее учителя.

На полке одной из мастериц я заинтересовался пестрыми, гордыми кониками. Здесь было также много кур, петушков и индюков, но больше всего коней, затейливых и толстоногих дымковских коников.

— Чьи это кони? — спросил я.

— Да Светкины. Она любит, наша Светка, четвероногих лепить. Птиц тоже любит, и петухов.

В работах Светланы Шаляпиной, учителями которой были Е. З. Кошкина, Э. В. Пенкина и Л. Н. Никулина, тем не менее явно заметно и влияние О. И. Коноваловой. Светлана уже сегодня неплохая мастерица. У меня дома в маленьком музее моих путешествий, рядом с блюдом из Хивы, деревянным памирским блюдом и бухарским ножом в пестрых ножнах стоит Светин всадник на коне. И всякий новый гость

непрерывно останавливает взгляд на этом расписном глиняном чуде, созданном двадцатилетней сероглазой девочкой из Кирова.

Света мало чем напоминает мастерицу из старого Дымкова. Она окончила десятилетку, еще в школе любила рисовать, оформляла стенгазету. Как у всякой современной девушки, у Светы множество увлечений — музыка, книжки, театр, кино. Но как и в ту пору, когда она пришла в мастерскую, ее главным увлечением остается глиняная игрушка — древнее вятское ремесло.

Игрушка не сразу далась Светлане. И сейчас еще иногда девушку можно увидеть в мастерской после смены. За широким окном тускнеет закат. Подруги разбежались по домам: у одних свидание, у других семья, у третьих учеба, развлечения, спорт. А Света бьется над своими коняшками и курочками, радуясь каждому новому сочетанию цветов или удачному повороту головы у глупой пестрохвостой сороки.

Мне показалось, что у этой молодой мастерицы — большое будущее.

Среди лучших мастериц можно назвать и других молодых игрушечниц, таких, как Валя Племянникова или Валя Нечаева.

Конечно же, этим девушкам не удалось еще выработать своего, только им присущего стиля. На бирочке, приклеенной к готовой игрушке,

принято ставить имя мастера: потому что это не только ремесло, это искусство. К сожалению, без бирочек работы разных мастериц еще не всегда различимы. Сделанные ими игрушки девчата ставят на разные полки. Без полок игрушки, да и то не всегда, отличает одну от другой пока еще, пожалуй, одна Евгения Алексеевна Окишева, мастер.

— Вот посмотрите, как у фокинских козелков бороды задорно торчат, — говорит она, — их сразу отличишь.

— Да, действительно, — соглашаюсь я.

И вспоминаю, что работы лучших мастериц Дымкова, корифеев промысла, можно было различать и без полочек...

Процесс изготовления игрушки в принципе не изменился. Правда, глину в последнее время привозят не из дымковского оврага, а из-под деревни Булдаки, что в километрах тридцати от Кирова по Московскому тракту.

— Там хорошая глина под Булдаками, — рассказывает Евгения Алексеевна. — Когда-то там было много знаменитых гончаров. И теперь часто подходят к нам старики, когда за глиной приедешь, говорят, что хорошо бы промысел возродить. Мы бы, говорят, такого поналепили из глины! А уж, кажется, что-что, а на керамику спрос у нас большой. Неужели это невозможно? И неужели для возрождения каждого из вят-

ских, да и не только вятских, исконных русских промыслов нужен свой Деньшин?

Вопрос, подобный тому, что задала мне Евгения Алексеевна, я уже не раз задавал самому себе, посещая тихие уголки России, где некогда процветали промыслы и где они заглохли без всякой другой на то причины, кроме равнодушия местных властей. Ну почему бы, например, не возродить резьбу по дереву в тихой северной Тотьме, где и сейчас нет никакой промышленности и где есть свободные руки, много лесу и живы еще традиции и мастера «русского Нюрнберга», как называли еще полстолетия назад этот центр изготовления резной деревянной игрушки и игрушки из папье-маше?

...Евгения Алексеевна продолжала между тем посвящать меня в тайны технологии дымковского промысла:

— Глину теперь размешивают, конечно, не вручную, а машинами. Однако процесс лепки почти не изменился. Деревянная лопаточка да мокрая тряпка по-прежнему остаются в обиходе игрушечницы. Так же, как и раньше — раствор мела на молоке, темпера на яйце, как в русской иконописи, — на желтке или на белке, в зависимости от цвета. А вот с обжигом теперь все по-иному: в мастерской стоят электрические муфельные печурки, дающие ровный обжиг. Перед обжигом игрушку по-прежнему сушат при

комнатной температуре. После обжига — побелка и роспись. Потом раскраска и сушка. Потом худсовет.

Худсовет возглавляет замечательная мастерица — З. Ф. Безденежных. И все же мне показалось, если бы худсовет был еще шире и представительней, было бы лучше: слишком многие работы молодых являются сегодня подражанием стилю Безденежных. А ведь у промысла накопилось много традиций. Есть разные стили.

После худсовета игрушка поступает в продажу. Заказов множество. Однако всегда получить по своим заказам игрушку удается, пожалуй, только Москве и Ленинграду. Может, еще Кирову да Лондону. Почему же? А потому что мало игрушки. И дело не только в том, что мало еще мастериц. Не хватает, например, и печей для обжига. Муфельные электрические печи, что стоят в мастерской, — это печи лабораторные. В них помещается до смешного мало. И в них совсем не входят крупные игрушки — кормилки З. Ф. Безденежных или, скажем, композиции. Екатерина Иосифовна Косс-Деньшина жаловалась, что ей хотелось бы попробовать сделать несколько тарелок с дымковским орнаментом (представляете себе такие тарелки!), а также плитки для больших фриз. Но обжигать их негде. Гнездо электропечи слишком мало.

Перед мастерской стоит немало и других чисто технологических проблем. Игрушка хрупка. Она часто трескается при обжиге, бьется при пересылке. Добавлю от себя, что бьется она и потом, после покупки. Одна из причин в том, что глина, которой пользуется мастерская, некондиционна. Ее следует очищать, добавлять в нее шамот. Следует, видимо, добавлять туда и мелкий, просеянный песок. В общем, это все проблемы легко разрешимые, но пока еще не разрешаемые.

Вероятно, можно было бы механизировать все процессы, не связанные с творчеством, разгрузить мастериц. Так, Михаил Михайлович Кошкин, Кировский скульптор, который отдает игрушке немало сил и времени, считает, что можно было бы, например, механизировать даже процесс побелки.

Игрушка нужна. У промысла большие перспективы. Дымка прекрасно смотрится в современном интерьере, приносит людям радость, украшает жилье. Нет, наверное, в Советском Союзе города, в котором бы не было своих Черемушек, не было бы уютных, хотя и тесноватых современных квартир. В Кирове тоже есть такой район, такие дома и такие квартиры. Так вот в их украшениях, где чаще всего еще царят грустные васнецовские Аленушки дурной репродукции, лебеди у замка, мраморные слоники,

котятa из фольги или те же умильные котятa, но уже из гипса, — дымковская игрушка могла бы сыграть не последнюю роль. Однако помехой этому, к сожалению, не только дороговизна игрушки или ее дефицитность. Дело еще и во вкусах.

СПОРЫ О ВКУСАХ

— Вы любите нашу игрушку?— ревниво спрашивали меня девочки в мастерской.

— Так кто ж ее...

— Да у нас в Кирове ее никто почти не любит!

Об этом же говорили мне и в Кировском художественном музее. В этом и я сам не раз имел возможность убедиться, отдыхая в кресле вестибюля гостиницы у лотка с сувенирами. Мне вспоминалось, что пренебрежение к игрушке отмечал в начале века уже Деньшин.

А ведь раньше крестьяне охотно украшали игрушками свою избу! В большом количестве покупали игрушку и горожане. Вот как описывал писатель Всеволод Лебедев прогулку по городу Слободскому:

«Идешь по узкому обломанному тротуару мимо домиков с палисадниками. В окнах горшки с цветами. И тут глянет на тебя подбоченившаяся глиняная баба с пятнами алого цвета на щеках. Синие и золотые полосы текут у ней по широкому платью. А у груди держит она не то

сына, не то хозяйского ребенка и глядит на тебя гордо и приветливо».

Потом гипс задавил глиняную игрушку. Деньшин с раздражением писал, что «гипсовые эти фигурки пришли к нам из страны дурного вкуса — Германии». Так или иначе, гипсовое литье прижилось в этих местах, а мастерская, выпускающая гипсовых коней в сегодняшнем Дымкове, даже расширяется. Значит, спрос на коней велик.

И вот, сидя у лотка сувениров в вестибюле гостиницы, я слышал однажды разговор не то кировчан, не то командированных о дымковских игрушках.

— За что деньги дерут? — сказал один. — Мазня какая-то.

— Полнейший, понимаете, примитив, — гневно сказал другой, очень солидный, с папкой, в ядовито-зеленой теплой велюровой шляпе и габардиновом пальто до пят. Высказав столь авторитетное мнение, он отошел.

Все было ясно и просто. Незамысловат толстоногий коник — примитив. И значит — плохо.

— Почему все-таки они нашу игрушку не любят? — спрашивали меня девочки из мастерской. — Она ж такая красивая.

Просто есть разные представления о красоте. Разные вкусы, о них не грех и поспорить, по скольку в наше время ни различие во вкусах,

ни склонность к открытому спору не являются криминалом.

По мне, в дымковском конике больше коничьего, чем в самом что ни на есть распохожем гипсовом лошаке. В конике этом душа конячья. В нем крестьянская добрая усмешка. И целая радуга цветов.

А весной мне пришлось быть в Слободском, том самом, о котором рассказывал писатель Всеволод Лебедев. Там пригласила нас к себе в гости одна очень симпатичная молодая женщина, работница меховой фабрики «Белка» и депутат областного совета. Мы познакомились с ее мужем, тихим работающим парнем, большим любителем чтения, с чудесными ее сыновьями-школьниками. Хозяйка с гордостью показала нам свою небольшую и уютную квартиру.

И вот здесь я их снова увидел — украшения на комод. Те же, что мне приходилось видеть уже десятки раз, даже в семейных вагончиках строителей газопровода среди дикой пустыни Кзылкум. Однако здесь, в тридцати километрах от Дымкова, эти гипсовые уродцы и кошечки из фольги вызвали у меня особенно неприязненное чувство. Может, из-за того, что дни, проведенные в Кирове, принесли радость открытия, первого настоящего знакомства с древним искусством. А может, из-за подслушанного накануне разговора о «примитиве».

Что следует обозначать броским этим словом? Может быть, примитивное копирование природы? В дымковском же конике художническое обобщение доведено до предела, до гротеска. И дымковская игрушка не терпит выписывания скучных деталей, ненужных подробностей. Игрушка от этого распадается. Разваливается.

Почему же все-таки большинство кировчан так суровы к своей, вятской игрушке? И что тут виной — игрушка или вкусы кировчан? Я думаю, что вкусы. Ведь вкус тоже надо воспитывать. Любовь к книжкам тому рабочему парню из Слободского привили в школе. А любовь к искусству ему не прививали нигде.

В последнее время эстетическому воспитанию стали уделять больше внимания. В том же Кирове Художественный музей ведет большую работу, успевая организовывать до полтысячи лекций в год. И надо отметить, в музее довольно серьезно занимаются дымковской игрушкой. Ирина Николаевна Моршенникова, хранитель фондов музея, — отличный знаток игрушки. Работники музея не боятся спорить о вкусах и прямо брать быка за рога. Одна из выставок музея, наделавшая в городе немало шуму, так и называлась — «О хорошем и дурном вкусе в быту».

Я застал в музее великолепную выставку дымковской игрушки, посвященную совместному

юбилею старейших мастериц промысла — 75-летию О. И. Коноваловой, 60-летию З. Ф. Безденежных и 60-летию Е. И. Косс-Деньшиной. Выставку посетило немало кировчан и приезжих. И хотя пророку, как всегда, особенно трудно приходится в своем отечестве, дымковская игрушка медленно, но верно завоевывает позиции в родном городе.

В фондах Кировского художественного музея собрано немало отличных работ дымковских мастериц — от А. А. Мезриной до Светы Шалапиной. Неплохой коллекцией игрушек располагает и местный краеведческий музей, в который я приходил знакомиться с рукописью Деньшина и где, как и всегда в подобном музее, вы обнаружите мощную кость мамонта, неизменные каменные топоры и черепки из раскопок, уводящие в седую древность, туда, где теряются также следы этих странных коников с неуклюже расставленными ногами и забавных кормилок в юбках колоколом.

СНОВА ЗАРЕЧНАЯ СЛОБОДА

Позднее, летом, при совершенно особенных обстоятельствах вспомнили мы как-то с моим приятелем-археологом о первом разговоре в его кабинете.

Было это на раскопках в Причерноморье, где мой приятель уже много лет разрывает древние скифо-сарматские могильники, извлекая оттуда всякие свидетельства жизни ушедших поколений. Здесь, на городище, этот мягкий интеллигентный собеседник становится похожим на ре-

шительного командира, что ведет в бой свое археологическое воинство, отвоеывая у сырой земли и тенистых Кодр тайны нашего прошлого. И когда археологи доходят до самого ценного пласта, он сам прыгает на дно раскопа, загорелый, деловитый и решительный, совершенно не похожий на того человека, которого я привык видеть в Москве. Да и вообще, ничто, кажется, в эту горячую пору не смогло бы напомнить нам о неторопливых московских беседах.

И все же однажды мы вспомнили о разговоре, с которого началось мое путешествие за дымковской игрушкой. Мы вспомнили о нем в жаркий июньский полдень, когда даже под сень реликтовых кедров долетало дыхание раскаленной земли. Поднявшись на край траншеи, приятель мой отер пот со лба и сказал мне, осторожно протягивая на ладони какую-то глиняную фигурку — толстые растопыренные ноги, характерная грация конской спины, опущенная вниз добрая морда, не утратившая этого неуловимого ощущения домашней доброты, несмотря на века, войны, дожди и морозы и все перипетии языческого погребения, какие претерпел этот немудрящий глиняный лошак из скифского кургана.

— Ну вот он ваш «модерновый коняшка». Докопались.

И тогда мне вспомнилось все — весь путь от

уютного московского кабинета через дебри библиотечной картотеки и вятских лесов, через затопленные улицы заречной слободы, пятистенную избу именитой дымковской мастерицы, городскую комнатку дочери Афанасьевны, квартиру вдовы Деньшина, залы музея и светлую мастерскую в Доме художника — весь путь по следам чудесной игрушки талантливых русских мастериц.

*

Был в то богатое путешествиями лето еще один день, когда мне вдруг вспомнились и вятская заречная слобода, и старинный промысел. Это было в удивительном северном городке Великом Устюге, куда нас занесло вместе с приятелем — фотокорреспондентом Агентства печати «Новости». Городок этот был некогда воистину великим и, расцветши на торговом пути от Москвы до Холмогор, вел он в XVI и XVII веках бойкую торговлю «мягкой рухлядью» — богатыми сибирскими мехами, а также кожами, холстами, хлебом, сукном, медом, воском, овощами, персидскими тканями, щетиной, салом, семгой, осетриной, омулем, изделиями из моржовой кости и серебра, пухом, морошкой и еще бог знает чем. Приезжали сюда русские и заморские «гости», процветали здесь многочисленные ремесла

и промыслы. От тех времен осталась в городе жемчужная россыпь старинных каменных храмов. Даже в конце XVIII века, когда стал хиреть с открытием нового торгового пути этот город, пожар ухитрился уничтожить здесь не больше не меньше — как 606 купеческих лавок, 24 фабрики, 14 амбаров и 552 жилых дома.

В наше время в городке на берегу Юга выросла современная промышленность, открылось много учебных заведений. Только вот промыслы с начала века зачахли. Остались только резьба по бересте да знаменитая северная чернь — чернение по серебру. С этим последним промыслом нам удалось познакомиться поближе. История о том, как уцелел этот четырехвековой древности великоустюжский промысел, показалась мне любопытной и характерной для судьбы народных промыслов в наше время.

К середине 30-х годов нашего века в Великом Устюге оставался только один мастер — Михаил Павлович Чирков. Еще до первой мировой войны в город приезжали иностранцы, предлагавшие этому совсем небогатому человеку большие деньги за секрет чернения серебра, однако Чирков отказался его выдать. Мастеру было под семьдесят и фамильный секрет этот мог бы или умереть вместе с ним или стать достоянием множества «чужих» людей.

Нелегкая нравственная проблема встала то-

гда перед старым мастером, и он решил ее как патриот. Не поставив никаких условий, Чирков открыл секрет черни тогдашнему промысловому союзу.

Невольнo вспомнились мне на фабрике «Северная чернь» залитое вешней водой Дымково, просторная изба Безденежных, встреча с дочерью Афанасьевны... Великий Устюг в старину был тесно связан с Хлыновом, тогдашней Вяткой. Не раз по цареву указу или по доброй воле переселялись устюжане в Вятку. Это друзей своих — устюжан призывали хлыновцы на выручку, а потом «побиша» по ошибке в трагическую ночь «хлыновского побоища».

Это устюжане из заречной слободы делали глиняные свистульки и шары, продававшиеся на вятской ярмарке — «свистунье».

Обо всем этом пришлось вспомнить мне еще раз в день отъезда из Великого Устюга. В тот последний день решили мы с приятелем осмотреть большую запань Сухоно-Югской сплавной конторы, где формируют плоты для наших целлюлозных комбинатов и для Архангельска, откуда русский лес идет за границу. И вот, осмотрев запань, мы возвращались в город на глассере вместе с главным инженером сплавконторы. С середины реки по левому борту открылся нам удивительный вид на город — стройная шеренга старинных каменных домов на набережной,

амбары, ажурные силуэты церквей. Потом, взглянув направо, увидел я многоглавую церковь какой-то заречной слободы.

— А это что? — спросил я у главного инженера.

— Это Дымково, — сказал он.

Так вот оно откуда это название! Значит, это переселенцы-устюжане занесли его под Вятку. А «меткость названия», о которой писал Деньшин, да и многие после него, была домысленной позднее или случайной. Может, и промысел этот древний устюжане принесли с собой, а след его теряется еще дальше в глубине веков...

Глиссер, лихо бороздя сонную гладь Юга, уже подворачивал к причалу, а я все смотрел на силуэты домов и многоглавой церкви заречного Дымкова, где неожиданно мне снова пришлось вспомнить о своем путешествии по следам этой немудрящей на вид, но такой загадочной глиняной игрушки.

7 коп.

